

Социальные, психологические и клинические факторы агрессивного поведения у подростков и лиц молодого возраста

Лала Наримановна Касимова¹, Марина Викторовна Святогор¹, Евгений Михайлович Сычугов¹, Олег Семенович Зайцев^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия

²ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

Автор для корреспонденции: Евгений Михайлович Сычугов, sychugovem@gmail.com

Резюме

Обоснование: в настоящее время проблема агрессивности подростков и лиц молодого возраста становится все более актуальной. Фактические данные подтверждают, что жестокость в молодежной среде приобретает массовый характер, приводя к негативным социально-экономическим последствиям. Известно, что агрессивность и агрессивное поведение у молодых людей формируются в результате сложного онтогенетического взаимодействия множества средовых факторов, обнаруживая тесную взаимосвязь с самоубийствами и суицидальными тенденциями. Разработка эффективных мер по предотвращению тяжелых форм агрессивного поведения становится одной из приоритетных задач для научного сообщества. **Цель:** провести анализ научных исследований феномена агрессии у подростков и лиц молодого возраста, оценить по данным публикаций влияние на уровень агрессивности в данной возрастной группе социальных, психологических и клинических факторов.

Материалы и методы: по ключевым словам «подростковая агрессия», «факторы агрессии», «психология агрессии», «психопатология агрессии», «агрессия и самоубийства» проведен поиск публикаций в базах Medline/PubMed, Scopus, Web of Science, РИНЦ и других источниках за последние 20 лет. **Заключение:** повышение уровня агрессии среди подростков и лиц молодого возраста признается специалистами междисциплинарной проблемой. Индивидуальные психологические особенности, а также те или иные психические расстройства, выступают в качестве фона для развития агрессивных тенденций. Комплекс негативных социально-экономических факторов способствует непосредственной реализации агрессивности индивида. Значимость средового влияния в генезе агрессивного поведения свидетельствует о необходимости интегративного взаимодействия исследователей с общественными организациями и органами охраны правопорядка в целях снижения частоты проявлений агрессии среди подростков и лиц молодого возраста.

Ключевые слова: агрессия, расстройства личности, психические заболевания, факторы агрессии, измерение агрессии

Для цитирования: Касимова Л.Н., Святогор М.В., Сычугов Е.М., Зайцев О.С. Социальные, психологические и клинические факторы агрессивного поведения у подростков и лиц молодого возраста. *Психиатрия*. 2023;21(2):89–103. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-2-89-103>

REVIEW

UDC 616.89-008.444.9

<https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-2-89-103>

Social, Psychological and Clinical Factors of Aggressive Behavior in Adolescents and Young People

Lala N. Kasimova¹, Marina V. Svyatogor¹, Evgeniy M. Sychugov¹, Oleg S. Zaitsev^{1,2}

¹FSBEI HE "Privolzhsky Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia

²Federal State Autonomous Institution N.N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

Corresponding author: Evgeniy M. Sychugov, sychugovem@gmail.com

Summary

Background: today, the problem of aggressiveness of teenagers and young people is becoming more and more urgent. The evidence confirms that violence in young people is becoming widespread, with negative social and economic consequences. It is known that aggression and aggressive behavior in young people is formed by the complex ontogenetic interaction of a variety of environmental factors, discovering a close relationship with suicide and suicidal tendencies. The development of effective measures to prevent severe forms of aggressive behavior has become a priority for the scientific community. **Objective:** to analyze the research studies of the phenomenon of aggression in adolescents and young people, to assess the impact of social, psychological and clinical factors on the level of aggressiveness in this age group. **Materials and methods:** according to the key words "teenage aggression", "aggression factors", "aggression psychology", "aggression and suicide" conducted a search of

publications in Medline/PubMed, Scopus, Web of Science, RISC and other sources for the last 20 years. **Conclusion:** increasing the level of aggression among adolescents and young people is a cross-cutting issue. Individual psychological characteristics, as well as some mental disorders, serve as background for the development of aggressive tendencies. A set of negative socio-economic factors contributes to the direct realization of the aggressiveness of the individual. The importance of environmental influence in the genesis of aggressive behavior indicates the need for integrative interaction of researchers with public organizations and law enforcement agencies in order to reduce the incidence of aggression among adolescents and young people.

Keywords: aggression, personality disorders, mental illness, factors of aggression, measurement of aggression

For citation: Kasimova L.N., Svyatogor M.V., Sychugov E.M., Zaitsev O.S. Social, Psychological and Clinical Factors of Aggressive Behavior in Adolescents and Young People. *Psychiatry (Moscow) (Psikhiatriya)*. 2023;21(2):89–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-2-89-103>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Согласно опросу, проведенному Аналитическим центром НАФИ в феврале 2020 г.¹, каждый второй россиянин сталкивается с агрессией со стороны детей и подростков. Значительно чаще респонденты наблюдали признаки агрессивного поведения не у своих детей, а у детей близких родственников или знакомых. Основная ответственность за трудное поведение подростков, по мнению опрошенных россиян, лежит именно на семье и родителях.

Тема подростковой агрессивности становится все более актуальной как на территории России, так и за ее пределами [1–3]. Трагедии, связанные с проявлениями детской жестокости и нетерпимости в образовательных учреждениях, случаются все чаще, жестокость приобретает массовый характер и принимает все новые формы [4, 5].

Подростковая агрессия проявляется в широком диапазоне поведенческих реакций: словесная травля жертвы, распространение порочащей информации в социальных сетях, причинение физического вреда здоровью той или иной степени и даже убийство.

Помимо своих непосредственных негативных демографических и социально-экономических последствий, агрессивность среди молодежи обнаруживает тесную связь с самоубийствами и суицидальными тенденциями, несущими весомое общественное бремя. Например, в США суициды и крайние формы агрессивного поведения (т.е. убийства) признаны одной из основных причин смертности и вызывают серьезную озабоченность со стороны общественного здравоохранения².

Хорошо известна связь между агрессивностью и психическими расстройствами, однако характер этой взаимосвязи представляется не столь однозначными. Сам по себе факт наличия или отсутствия психического заболевания без учета широкого спектра реактивных и социальных факторов (утрата, одиночество, дискриминация, разрыв отношений, финансовые проблемы, хронические боли и болезни, насилие, жестокое

обращение, конфликты или другие чрезвычайные ситуации гуманитарного характера) не может считаться достаточным предиктором агрессивного поведения индивида.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что агрессивность и агрессивное поведение у молодых людей формируется в результате сложного онтогенетического взаимодействия наследственных, биологических, социодемографических и культуральных факторов [6, 7]. Дискутабельным остается вопрос о значимости того вклада, который вносит каждый из этих факторов в общую картину, а также о возможностях целенаправленной работы по разработке эффективных мер профилактики тяжелых форм агрессивного поведения.

Перспективы дальнейшего изучения феномена агрессии сводятся к интегративному междисциплинарному подходу, использующему достижения не только естественно-научных, но и гуманитарных, социологических и юридических дисциплин.

Цель обзора — проанализировать и обобщить данные современных отечественных и зарубежных исследований по оценке клинко-социальных особенностей агрессивного поведения в молодом возрасте с целью разработки комплексной стратегии, направленной на снижение проявлений агрессии в данной группе населения.

Определение агрессии

Согласно определению, предложенному Бассом (A.N. Buss), агрессия — это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим [8]. Другими исследователями (L. Berkowitz; S. Feshbach) данное определение было дополнено важным уточнением — так, чтобы те или иные действия могли быть определены как агрессия, они должны нести в себе намерение обиды или оскорбления, а не просто заканчиваться такими последствиями [9, 10]. D. Zillmann предлагает ограничить употребление термина «агрессия» попыткой нанести другим телесные или физические повреждения [11].

Несмотря на имеющиеся разногласия относительно определения агрессии, многие специалисты в области социальных и естественных наук склоняются к принятию определения, близкого ко второму из приведенных здесь. Это определение включает в себя как категорию намерения, так и актуальное причинение того или иного вреда другим.

¹ Репрезентативный всероссийский опрос НАФИ проведен в феврале 2020 г. Опрошено 1600 человек в 150 населенных пунктах в 52 регионах России. Возраст: 18 лет и старше. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

² Данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от 17.06.2021 г. URL: https://www.who.int/health-topics/suicide#tab=tab_2.

Согласно точке зрения С.Н. Ениколопова, рекомендована следующая формулировка понятия. *Агрессия — это целенаправленное поведение, нарушающее нормы и правила существования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт*. Вместе с тем автор указывает на важность разделения понятий агрессии как специфической формы поведения и агрессивности как психического свойства личности [12].

В своей монографии, посвященной теме агрессивности детей и подростков, Ю.Б. Можгинский акцентирует внимание на «сложности и неоднозначности явления». Согласно разделяемой им концепции агрессию не стоит рассматривать как исключительно отрицательный феномен, требующий незамедлительного подавления. Автор полагает, что в ряде случаев справедливо говорить о «нормальной» агрессии, необходимой для адаптации и существования индивида [13].

Ввиду многообразия проявления человеческой агрессии целесообразно исходить в изучении подобного поведения из концептуальных рамок, предложенных А.Н. Бусс (1961). По его мнению, агрессивные действия должны быть описаны на основании трех шкал: физическая–вербальная, активная–пассивная, прямая–непрямая. Их комбинация дает восемь возможных категорий, под которые попадает большинство агрессивных действий. Важным дополнением к вышеизложенному является предложенное К.А. Dodge и J.D. Coie (1987) разделение агрессии на реактивную и проактивную. Реактивная агрессия предполагает возмездие в ответ на осознаваемую угрозу. Проактивная агрессия порождает поведение (например, принуждение, влияние, запугивание), направленное на получение определенного результата.

Методы изучения агрессии

Выявить различия между людьми по степени агрессивности возможно с помощью личностных опросников, в частности Миннесотского многофакторного личностного опросника (MMPI), а именно его четвертой шкалы или шкалы психопатических тенденций. Однако данная рубрика позволяет измерить агрессивность индивида только в деструктивном ключе, но не дает оценить выраженность «созидательного» компонента агрессивности. По мнению Л.Н. Собчик [14], сочетание шкал MMPI 4, 6 и 9 — признак гиперстенического типа реагирования, а 2, 7 и 0 — гипостенического. Их совместное проявление может выступать потенциальным маркером психологического конфликта, приводящего к реализации агрессивного поведения. Стоит отметить, что большинство личностных опросников дают лишь косвенное представление об агрессивных чертах личности, вследствие чего в современных исследовательских работах они применяются все реже.

К непосредственным, или прямым, методам измерения уровня агрессивности относится специально разработанный опросник А. Buss, А. Durkee (1957), ставший уже классическим инструментарием в такого

рода исследованиях [15], а также его более современные модификации [16].

Методика разделяет агрессивное поведение на физическое и вербальное, прямое и косвенное, активное и пассивное. А. Buss и А. Durkee в своем опроснике выделяют пять видов агрессии: 1) физическая агрессия (физические действия против кого-либо); 2) косвенная агрессия (направленная — сплетни, злобные шутки; ненаправленная — крики в толпе, топание и т.п.); 3) раздражение (вспыльчивость, грубость); 4) негативизм (оппозиционная манера поведения); 5) вербальная агрессия (угрозы, крики, ругань и т.п.), а также еще два вида враждебности: негодование и подозрение. Физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение и вербальная агрессия вместе составляют суммарный индекс агрессивных реакций, а обида и подозрительность — индекс враждебности.

Опросник А. Buss и А. Durkee, представляющий собой самоотчет о склонности к агрессивным формам поведения, активно использовался исследователями многих стран мира вплоть до середины 1990-х гг. Выделенные в опроснике шкалы позволяли оценить как склонность к агрессии, так и конкретные варианты ее проявления [17–19]. По мнению Е.В. Ольшанской, данный опросник предпочтителен в целях исследования агрессивности и враждебности подростков ввиду способности к количественному измерению данных и квантификации степени выраженности агрессии и основных компонентов агрессивного поведения.

Однако последующий рост критики опросника А. Buss и А. Durkee, связанный с его психометрической несостоятельностью ввиду априорного выделения шкал и последующей сложности в применении факторного анализа (многие вопросы входили с примерно равной нагрузкой в несколько факторов), привел авторов к необходимости разработки модифицированного опросника, лишенного недостатков оригинала.

Модернизированный опросник агрессивности Басса–Перри (Buss–Perry Aggression Questionnaire, BPAQ, 1992) переведен и адаптирован во многих странах и широко используется как надежный инструмент оценки агрессивного поведения, а также эмоциональной и когнитивной составляющей агрессии в разных возрастных категориях [20, 21]. В России методика BPAQ адаптирована С.Н. Ениколоповым и Н.П. Цибульским в 2007 г. на выборке испытуемых от 18 до 50 лет [22]. Авторы выделили трехфакторную структуру (физическая агрессия, гнев, враждебность), исключив шкалу вербальной агрессии. Таким образом, в итоговом варианте BPAQ-24 осталось 24 вопроса. В 2021 г. группа исследователей провела стандартизацию опросника для подростковой аудитории [23].

Разумеется, что перечень используемых средств измерения степени агрессивности намного шире (опросник диагностики легитимизированной агрессии, ЛА-44), психометрическая шкала оценки косвенной агрессии, шкала импульсивности Барратта (Barratt Impulsiveness Scale, BIS-11), шкала импульсивной/

преднамеренной агрессии (Impulsive/Premeditated Aggression Scale, PAS), шкала склонности к агрессии (the Appetitive Aggression Scale, AAS) и др., но в данном обзоре мы не преследуем цели подробно останавливаться на характеристике каждого из них [24–28].

В мировой психологической практике широкое распространение для оценки склонности к агрессии и уровня агрессивности (что особенно актуально при работе с контингентом детского и подросткового возраста) получило использование различных проективных методов. В частности, применяются тематический апперцептивный тест (ТАТ), тест Роршаха, «тест руки» Э. Вагнера (адаптированный на русский язык Т.Н. Курбатовой) [29], фрустрационный тест Розенцвейга (в адаптации Н.В. Тарабриной) [30] и др. [31, 32].

Для изучения агрессивности широко используется метод наблюдения. Главным преимуществом таких методов является то, что они позволяют непосредственно изучать причиняющее реальный вред враждебное поведение. Достоверность ответов людей на вопросы об агрессивном поведении справедливым образом может быть подвергнута сомнению. Что же касается наблюдения за проявлением агрессии в естественной обстановке, то оно обладает следующим очевидным преимуществом: информацию о поведении можно получить в прямой форме, поскольку субъекты исследования не осознают, что их поведенческие реакции регистрируются. Ввиду социальной нежелательности такого вида поведения, как агрессия, метод наблюдения позволяет избежать проблемы социально одобряемых ответов и установочных реакций со стороны испытуемого [33].

Для изучения агрессии используются различные экспериментальные методы, в частности полевые и лабораторные эксперименты. Среди разработанных экспериментальных процедур особое значение приобрели пять основных типов: метод оценки очерков, метод конкурентной скорости реакции, метод «учитель–ученик», метод куклы Бобо [34] и метод регистрации вербальных реакций [35].

Гендерные различия агрессии

Теория социальных ролей и теория полового отбора предполагают, что использование физической агрессии менее выгодно для женщин, чем для мужчин, из-за большего риска физической травмы и отклонения от социальных ожиданий. Результаты исследований подтверждают применимость этих теорий половых различий в отношении агрессии. Считается, что для того чтобы женщины отклонялись от социальных норм необходимо наличие аффективных психопатических черт, ассоциированных с бесстрашием и пониженной активностью миндаловидного мозга при угрозе [36]. Сочетание вышеназванных признаков приводит к утрате страха физической травмы, а также к снижению обеспокоенности социальными последствиями отклонения от принятых норм. В соответствии с имеющимися данными, уровень косвенной агрессии у женщин выше, чем у мужчин [37, 38]. Эти результаты подтверждают

теорию социальных ролей и теорию полового отбора в том смысле, что женщины чаще используют менее открытую агрессию. Косвенная агрессия может быть незаметным методом причинения вреда и использоваться, когда риск открытой агрессии слишком высок. Обнаружено, что предпочтение косвенной агрессии женщинами не зависит от наличия или отсутствия психопатических черт. Исходя из предыдущих исследований, психопатия у женщин является большим фактором риска для более серьезных и открытых форм агрессии, т.е. физической агрессии, насилия в тюрьме, межличностного насилия [39], чем для незаметных и менее рискованных форм агрессии.

Влияние средовых факторов на уровень агрессии также обнаруживает гендерные особенности. В частности, выявлены значимые различия в агрессивности юношей и девушек в зависимости от уровня их самооценки. Согласно имеющимся данным, повышенный уровень агрессивности и враждебности преобладает у мальчиков со средней самооценкой и у девочек с высокой самооценкой, что указывает на реакцию, вызывающую негативные чувства и негативные оценки людей и событий [40]. А Canning, и соавт. также обнаружили, что низкая глобальная самооценка является более сильным предиктором агрессии для женщин по сравнению с мужчинами в выборке людей молодого возраста [41]. Отмечены и некоторые особенности взаимосвязи степени удовлетворенности своим телом с агрессией и чувством вины у девушек [42].

Связь суицидальности и агрессии

Специалисты в области психологии заговорили о связи между суицидальными и агрессивными тенденциями уже более 100 лет назад. В частности, теория З. Фрейда рассматривает акт самоубийства как гнев, обращенный вовнутрь. Более современные теории предполагают, что высокая личностная агрессивность может увеличить вероятность нанесения именно смертельного (летального) самоповреждения [43]. Связь между самоубийством и агрессией также подтверждается обширными эмпирическими данными, согласно которым предрасположенность к агрессии (т.е. вербальным и физическим актам нанесения намеренного вреда) рассматривается как фактор риска возникновения суицидальных мыслей и поведения в том числе в детском и подростковом возрасте [44].

Учитывая вышеназванную взаимосвязь, можно ожидать, что психические расстройства, которые определяются патологической агрессией (например, интермиттирующее эксплозивное расстройство — intermittent explosive disorder, ITD), либо имеют повышенную агрессивность в качестве части своих диагностических критериев (например, пограничное расстройство личности, антисоциальное расстройство личности, поведенческие расстройства), либо связаны с повышенным риском суицидального поведения [45].

Связь между агрессивностью и суицидальностью, достигающая максимальной степени выраженности

среди людей молодого возраста, потенцирует социально-экономическое бремя каждого из этих феноменов.

Семейные и социально-экономические факторы

Окружающая среда может способствовать агрессии на многих уровнях: межличностные, социальные, групповые, соседские, экономические и культурные условия могут нести потенциал для насилия или фактического насилия.

Межличностная агрессия возникает под влиянием различных факторов. Одним из наиболее изученных является семейное насилие [46]. Особенности взаимоотношений интимных партнеров ввиду ревности, страха быть покинутыми и тяги к доминированию и контролю могут способствовать агрессивному поведению [47, 48]. Другие формы домашнего насилия включают жестокое обращение с детьми и пожилыми людьми. Особые условия пребывания в ряде социальных учреждений (гериатрические отделения, психиатрические стационары, места лишения свободы) также способствуют росту агрессивности [49–51]. Запугивание и издевательства вне зависимости от внешней обстановки, уже будучи по своей сути актом агрессии, могут привести к ответной жестокости и насилию [52, 53]. Данные литературы свидетельствуют о том, что у жертв буллинга выявляются высокие показатели враждебности (когнитивный компонент агрессии опросника BPAQ), что становится предпосылкой для потенциальных агрессивных тенденций в определенных условиях [54].

Установлено, что важную роль в становлении агрессивного поведения играет предпочитаемая форма родительского воспитания [55]. Связь между уровнем подростковой агрессивности и показателями социально-экономического благосостояния семьи носит опосредованный характер. Считается целесообразным основное внимание уделять психологическим характеристикам в виде специфики взаимоотношений ребенка и родителей, особенностей используемых воспитательных практик и принципов организации семейной жизни. В изолированной форме факторы социально-экономического благополучия выступают, скорее, в качестве определенного фона или условия, способствующего или же препятствующего реализации принятых в семье воспитательных практик [56].

Влияние агрессивного информационного контента, интернета и других средств массовой информации

Известно, что у детей и подростков, имеющих склонность к агрессии, повторные предъявления контента агрессивного содержания увеличивают риск антисоциального поведения. Общее усиление влияния сверстников в виде негативного воздействия со стороны асоциальных и криминальных групп, характерное для пубертатного периода, провоцирует девиантное поведение и усиливает агрессивные проявления.

Случаи психических заболеваний среди родственников оказывают существенное влияние на уровень агрессивности подростков. Стоит отметить особое

значение психопатологических расстройств среди матерей, а также фактов злоупотребления алкоголем или наркотиками со стороны других членов семьи. Стойкие проблемы в браке и криминальное поведение представляют собой угрожающие внутрисемейные факторы развития агрессивного (девиантного) поведения [57]. Теория социального научения объясняет подобную взаимосвязь тем, что частое наблюдение за совершением агрессивных действий способствует закреплению у индивида подобных поступков как одной из типичных форм его поведения [58]. В данном контексте целесообразно упомянуть классические работы Альберта Бандуры (Albert Bandura), в которых автор экспериментальным путем приходит к выводу, что агрессивное поведение усваивается и осуществляется благодаря научению и имитации (серия экспериментов с «куклой Бобо») [59].

В последнее время в СМИ активно поднимается вопрос о степени влияния компьютерных игр на уровень детской и подростковой агрессии. Широкий общественный резонанс вызвали работы американского профессора психологии С.А. Anderson, указывающие на существование прямой связи между жестокостью в видеоиграх и уровнем агрессии. Свои теоретические соображения автор подкрепляет данными метаанализа, согласно которым воздействие жестоких видеоигр является причинным фактором, увеличивающим риск агрессивного поведения и аффекта, а также снижающим способность к эмпатии и склонность к социально одобряемому поведению [60]. Критики доктора С.А. Anderson утверждают, что в его работах завышена степень значимости результатов и должным образом не признаются альтернативные точки зрения, в частности влияние жестокого контента и насилия в СМИ.

Данные иных литературных источников свидетельствуют о том, что динамика уровня агрессивности молодых людей, наблюдающаяся на фоне увлечения жестокими компьютерными играми, зависит в первую очередь от исходного уровня агрессии индивида [61]. Установлено, что компьютерные игры с агрессивным содержанием могут изменять параметры функциональной активности коры головного мозга, что создает некий фон для притупления эмоционального восприятия у детей и подростков. Исследователи склонны обвинять в этом повторяющиеся виртуальные сцены насилия без необходимого соотнесения их с реальными жизненными эмоциями. Отмечается снижение активности коры головного мозга, преимущественно в орбитофронтальных отделах, что, в свою очередь, может свидетельствовать об ослаблении контролирующих и тормозных функций. Авторы утверждают, что описанные выше изменения могут затруднять процесс эмоциональной оценки социальной значимости наблюдаемых виртуальных сцен насилия в компьютерных играх, что в дальнейшем может поспособствовать проявлениям агрессивного поведения и в реальной жизни. Результаты других работ и анализ литературных данных убедительно доказывают, что активное

увлечение жестокими компьютерными играми может выступать одной из актуальных (но не единственной) причин криминализации подростков и распространения ювенальной преступности в социуме. Однако подобные исследования не могут претендовать на завершенность и высокую репрезентативность, поскольку большинство из них в своей методологии ограничены социолого-правовым инструментарием и лишены возможности проводить самостоятельные изыскания в области возрастной и криминальной психологии [62].

В настоящее время не вызывает сомнений тезис о том, что СМИ в широком смысле и социальные сети в частности оказывают прямое воздействие на формирование поведения молодых людей, вносят существенный вклад в воспитание характера взаимодействия с окружающим миром, побуждая к действиям деструктивного/агрессивного характера [63, 64]. Результаты исследования О.В. Бессчетновой и соавт. подтверждают, что онлайн-активность молодых людей не приводит к развитию коммуникативных навыков и выстраиванию эмоционально теплых дружеских или романтических отношений. При этом такого рода активность отнимает много времени, усиливая чувство одиночества и провоцируя возникновение депрессивных состояний. Иначе говоря, чем выше интернет-активность пользователя, не приносящая ему чувства удовлетворения, тем выше уровень формируемой фрустрации и одиночества [65].

Связь агрессии с психическими заболеваниями

В статистическом руководстве DSM-5 есть ряд заболеваний, одним из симптомов которых является агрессивное поведение. К ним отнесены биполярное аффективное расстройство (БАР), шизофрения, группа слабоумия, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и острое стрессовое расстройство [66]. Психическая патология детского и юношеского возраста, в частности умственная отсталость, синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), некоторые расстройства личности и интермиттирующее эксплозивное расстройство также могут характеризоваться агрессивным поведением [67, 68]. Стоит отметить, что агрессивность может усиливаться в результате сочетания нескольких условий. Например, люди, страдающие ПТСР, чаще выражают свою агрессивность на фоне коморбидности с алкогольной зависимостью.

Известно, что пациенты с БАР становились чрезмерно возбужденными и агрессивными, особенно во время маниакальной фазы. Бредовые идеи величия часто не только резко завышают их самооценку, но и делают их требовательными к другим и провоцируют враждебное отношение к тем, кто не признает их предполагаемого превосходства. Больные шизофренией могут проявлять агрессию, реагируя на императивные галлюцинации, приказывающие им причинить вред другим. Пациенты с широким спектром деменции, например с болезнью Альцгеймера, не только имеют дефицит памяти, но и теряют свои исполнительные

функции, что препятствует подавлению неприятных импульсов, в том числе и агрессивных.

Вопреки распространенному в обществе взгляду, люди с расстройствами шизофренического спектра чаще, чем здоровые индивиды, проявляют только реактивную (защитную), а не проактивную (неспровоцированное жестокое поведение) агрессию [69]. К предикторам агрессивного поведения в данной группе больных относят наличие в клинической картине специфических расстройств мышления. Исходя из имеющихся данных, чем грубее выражены ассоциативные расстройства у больных шизофренического спектра, тем больше агрессивности прослеживается в их поведении [70]. Нельзя списывать со счетов весомое влияние фактора внутрисемейных отношений. Превалирование критики и практики наказаний над похвалой и поощрениями способствует росту агрессии среди больных с расстройствами шизофренического спектра [71]. Справедливо будет отметить, что отношения между шизофренией и агрессией сложны и зависят от многих факторов, связанных не только с самим расстройством и уровнем критики к нему, но и с коморбидностью с другими заболеваниями, такими как антисоциальное расстройство личности и злоупотребление психоактивными веществами. Факторы, способствующие росту агрессии в обществе в целом, также оказывают влияние и на данную группу больных (например, социальная неустроенность, молодой возраст, проживание в одиночестве, мужской пол и низкий уровень дохода) [72, 73].

Эндогенные депрессии также обнаруживают взаимосвязь с агрессией, что в наибольшей степени находит выражение при депрессиях легкой степени тяжести [74]. Другие авторы считают, что корреляция между агрессией и депрессией недостаточно значима, чтобы стать мощным предиктором как в моменте, так и на протяжении наблюдений. Действительно, несмотря на существование определенной взаимосвязи, в литературе она чаще фигурирует как переменная и зависящая от клинического типа депрессии [75, 76].

Гнев и агрессия связаны с постбоевыми проблемами среди ветеранов и военнослужащих действительной службы [77]. Данные литературы свидетельствуют о том, что ПТСР связано с насилием по отношению к интимному партнеру, а также с физической агрессией в целом [78].

Для подростков, чье агрессивное поведение обусловлено органическим поражением головного мозга, повлекшим за собой формирование умственной отсталости, характерны эмоциональная дисрегуляция в конфликтных ситуациях, проблемы в понимании как собственных чувств, так и чувств других людей, сниженная способность к эмпатии и склонность к ригидности аффекта, значительные затруднения в освоении коммуникативных и социально-бытовых навыков. В литературе многократно отмечалась ведущая роль благополучных условий воспитания в семье и учебном

учреждении с использованием коррекционных подходов с целью снижения риска формирования агрессивного поведения в данной группе больных [79, 80].

Агрессия и расстройства личности

Для индивидов с различными типами личностных расстройств — в силу их специфической уязвимости в отношении определенных жизненных ситуаций — характерны разные виды и формы агрессивного поведения. Литературные данные свидетельствуют о том, что люди с расстройствами личности в сравнении со здоровыми индивидами в целом отличаются повышенной агрессивностью и ограниченной способностью контролировать собственные агрессивные побуждения.

Личностные черты так называемой «темной триады»³ положительно коррелируют с симптомами агрессии и делинквентного поведения даже в том случае, если наблюдаются у клинически здоровых индивидов, чьи личностные особенности не достигают степени расстройств личности. Результаты данных исследований еще раз подчеркивают важность черт «темной триады» в патогенезе деструктивного поведения у подростков [81].

Антисоциальное расстройство личности — одно из самых обременительных психических расстройств для общества в материальном плане: по данным оценочных исследований, психопатия приводит к ежегодным затратам в размере 460 млрд долларов [82]. Значительная часть этих затрат связана с опасным и насильственным поведением. Психопатические личности склонны к совершению хронического насилия на протяжении всей жизни, независимо от того, находятся ли они в тюрьме или проходят лечение в условиях судебно-медицинского стационара [83]. Связь между психопатическими чертами и агрессией — установленный факт [84]. Стремясь разорвать порочный круг насилия, исследователи выступают за то, чтобы стратегии лечения психопатии были направлены на снижение факторов риска, а не на коррекцию личностных черт. Одним из таких факторов риска может выступать избыточная тревожность, обнаруживающая положительную корреляцию с агрессивными тенденциями у лиц с психопатическими чертами. Соответственно, влияя на уровень тревоги (посредством медикаментозной или психотерапии), по мнению авторов, возможно опосредованно влиять и на уровень агрессии [85]. Среди других факторов, объясняющих повышенную агрессивность и проблемы с проявлением гнева у психопатических личностей, исследователи называют эмоциональную дисрегуляцию [86].

Личностные черты макиавеллизма тесно связаны с непрямой формой выражения агрессии в виде скрытого поведения, направленного на разрушение отношений и социального статуса жертвы (например, исключение из группы сверстников, распространение слухов и сплетен). Видимо, холодный, расчетливый характер макиавеллиста не подходит для прямого физического проявления агрессии [87]. Психометрический подход позволил установить, что молодые люди с высокой степенью выраженности макиавеллизма как личностной черты отличаются повышенным уровнем враждебности, раздражительностью и властолюбием, с пренебрежением относятся к чужим интересам в пользу своих собственных, кроме того, им свойственна своего рода «креативность», которая позволяет в условиях анонимности наносить намеренный вред другим людям [88].

Данные метаанализа [89] подтверждают, что глобальный конструкт нарциссизма демонстрирует умеренную положительную связь с различными индексами агрессии. Другое исследование [90], проведенное на выборке испытуемых из двух разных стран, выявило, что низкий уровень самооценки был связан с реактивной агрессией, в то время как высокий уровень, достигающий степени нарциссизма, был связан с проактивной агрессией. Данная закономерность прослеживалась вне зависимости от страны, но, однако, ассоциации между обоими типами самооценки и проактивной агрессией сильнее выражались у мужчин. Полученные результаты позволяют предположить, что люди с низкой самооценкой склонны к большей реактивной агрессии, в то время как люди с высоким уровнем нарциссизма могут действовать с преднамеренной, запланированной агрессией для достижения цели. В целом нарциссизм может быть весомым фактором, который следует учитывать при оценке риска агрессии и насилия. Результаты, полученные на студенческих выборках, также позволяют предположить, что риск насилия у людей с высоким уровнем нарциссизма в первую очередь возрастает как ответная реакция на угрозу их Эго [91]. Отдельные авторы, ставящие под сомнение связь нарциссизма и агрессии, зачастую не учитывают, что итоговые результаты их наблюдений могут искажаться свойственной нарциссизму озабоченностью социальной желательностью в своих ответах [92].

Отличительной особенностью шизоидного расстройства личности является меньшая выраженность показателей физической и косвенной агрессии в сравнении с другими типами расстройств личности [93].

Методы коррекции агрессивного поведения

С целью предотвращения грубых форм агрессивного поведения среди молодых людей исследователи рекомендуют проведение профилактических мероприятий, направленных на формирование коммуникативных навыков и способствующих развитию умений разрешения конфликтных ситуаций в учебной/студенческой среде. Работа компетентных сотрудников

³ «Темная триада» — это понятие, которое было введено D.L. Paulhus и K.M. Williams для описания совокупности трех родственных, социально нежелательных черт личности: 1) макиавеллизм, характеризующийся манипулированием и эксплуатацией других, циничным пренебрежением к морали и сосредоточением на собственных интересах; 2) нарциссизм, который связан с грандиозным самовосприятием, чрезмерным чувством собственного достоинства и эгоизмом; 3) психопатия, которая в основном имеет отношение к черствости, отсутствию личного аффекта и безжалостности.

должна быть направлена на выявление групп риска, проведение профилактической психологической коррекции с целью формирования стойкого негативного отношения к агрессивному поведению, что позволит снизить риски трагедий в образовательных организациях.

Предлагаются различные методы коррекции агрессивного поведения среди школьников. Авторы акцентируют внимание на важность внимательного отношения педагога как к коллективу в целом, так и к каждому отдельному обучающемуся, призывают максимально серьезно относиться к любым проблемам во взаимоотношениях, не игнорировать и не преуменьшать их значимость. При уведомлении о случаях буллинга реакция педагога должна быть незамедлительной, проведены беседы как с зачинщиком, так и с жертвой [94]. Беседы с агрессором должны выстраиваться по принципу «виновник должен осознать вину, а не озлобиться еще больше». В разговоре с жертвой буллинга важно обозначить понимающую и защищающую позицию в атмосфере дружелюбия и доверия, постараться вывести из подавленного состояния и предложить варианты положительного исхода. Обсуждение произошедшего со всем остальным классом с целью поиска совместных путей решения проблемы также рекомендуется, равно как и информирование остального педагогического состава и родителей учеников, которые со своей стороны должны сделать все возможное для контроля изменяющегося поведения своих детей. Исследователи видят смысл в применении наказаний за плохие поступки, в качестве конкретных решений, предлагая извинения или восстановление испорченного имущества [95].

Большинство авторов сходятся во мнении, что во многих случаях преподавательский состав учебных учреждений может пресекать и не допускать травлю в школе, которая является одной из основных причинной подростковой агрессии. Важно уделять особое внимание взаимоотношениям между обучающимися, чтобы каждый подросток был уверен, что сможет получить своевременную помощь в разрешении имеющихся психологических проблем [96]. Целесообразно обратиться к положительному опыту зарубежных коллег. В частности, в школах Финляндии особое внимание уделяется не только передаче детям академических знаний, но и расширению представлений учащихся о самих себе. Обсуждаются вопросы особенностей характера и мировоззренческих установок, развиваются способности понимать себя и эффективно взаимодействовать со сверстниками. Эмпирические данные подтверждают, что этот комплекс мер оказывает положительное воздействие на психическое состояние учащихся школ Финляндии и способствует снижению уровня агрессии в образовательных коллективах [97].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен агрессии обусловлен сложным комплексом биологических, психологических и социальных

факторов. В настоящее время большинством исследователей агрессия определяется как любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения. Ввиду многообразия проявлений агрессии авторами предлагаются классификационные схемы, позволяющие концептуализировать рамки изучения данного феномена.

С целью установления различий между людьми по степени агрессивности используются разнообразные методологические подходы, включающие личностные опросники, специализированные анкеты, проективные методики, метод наблюдения, а также полевые и лабораторные эксперименты. Выбор конкретного метода определяется особенностями исследуемой выборки и целями исследования. Классический опросник А. Buss и А. Durkee и его современные модификации эффективны, валидизированы и при этом достаточно просты и удобны при изучении различных форм агрессивных и враждебных реакций при работе с подростковым и взрослым контингентом. В исследованиях детской агрессивности наибольшее распространение получили проективные методики.

Гендерные различия агрессивности и форм ее проявления подтверждают теорию социальных ролей и полового отбора. Использование открытой физической агрессии характерно для мужчин, в то время как женщины склонны к косвенному и преимущественно вербальному выражению агрессии. Степень влияния тех или иных средовых факторов на уровень агрессии также обнаруживает связь с полом. Нехарактерное для большинства женщин предпочтение физической агрессии, как правило, ассоциировано с наличием психопатических личностных черт.

Неблагоприятные социальные и экономические условия способствуют проявлению агрессии на межличностном, групповом и макросоциальном уровнях. Насилие и другие формы жестокого обращения в семье, случаи издевательств и запугиваний в учебных учреждениях, особенности взаимоотношений с интимным партнером, предпочтение и доступность агрессивного контента в СМИ, социальных сетях и видеоиграх выступают в качестве значимых факторов провокации агрессивного поведения, приобретая все большую актуальность у индивидов, предрасположенных к агрессии. Показатели экономического благополучия семьи связаны с уровнем агрессивности опосредованно, выступая в качестве фона, способствующего или препятствующего воздействию иных социальных факторов.

Связь между суицидальностью и агрессией подтверждается данными публикаций, согласно которым предрасположенность к агрессии рассматривается как фактор риска возникновения суицидальных мыслей и поведения в различных возрастных группах. Высокая личностная агрессивность повышает вероятность реализации суицидальных тенденций в форме самоповреждений и самоубийств. Психические расстройства,

имеющие повышенную агрессивность в качестве диагностического критерия (интермиттирующее эксплозивное расстройство, пограничное расстройство личности, антисоциальное расстройство личности и др.), также связаны с высоким риском суицидального поведения.

Агрессивность может быть обусловлена психическими расстройствами. При эндогенных психических заболеваниях враждебность и жестокость в поведении зачастую отражает клинические особенности состояния пациента. Бредовые идеи величия, характерные для маниакальной фазы биполярного аффективного расстройства, лежат в основе враждебного, агрессивного отношения к тем, кто их не разделяет. Больные шизофренией проявляют внешне немотивированную агрессию, подчиняясь императивным галлюцинациям, приказывающим причинить вред другим людям. При органических заболеваниях головного мозга (нейродегенерации, посттравматические поражения) поведенческая агрессивность связана с эмоциональной дисрегуляцией и импульсивностью, в основе которых лежит утрата должного контроля исполнительных функций. Многие авторы обращают внимание на то, что агрессивность при психических заболеваниях ассоциирована не только с самим характером расстройства и уровнем критики к нему. В частности, коморбидность с алкогольной и наркотической зависимостью, а также личностной патологией значительно повышает вероятность агрессивного поведения. Влияние средовых факторов на уровень агрессивности людей, страдающих психическими заболеваниями, не менее значимо чем в общей популяции.

Данные научных публикаций свидетельствуют о том, что люди с расстройствами личности в сравнении со здоровыми индивидами в целом отличаются повышенной агрессивностью и ограниченной способностью контролировать собственные агрессивные побуждения. Среди личностных факторов, определяющих предрасположенность индивида к агрессивному поведению, чаще обсуждаются (особенно в зарубежной литературе) характерологические проявления «темной триады», представляющей собой сочетание признаков психопатии, нарциссизма и макиавеллизма. Согласно имеющимся данным, как изолированное присутствие одного из них, так и совокупность коррелирует с личностной агрессивностью и склонностью к деструктивному, жестокому поведению. Для нарциссических личностей характерны агрессивные реакции в ответ на угрозу их завышенной самооценке, а также преднамеренная, запланированная агрессия, направленная на достижение определенной цели. Психопатические личности отличаются повышенным уровнем как физической, так и вербальной агрессии, со склонностью к прямым формам ее выражения. Личностные черты макиавеллизма тесно связаны с непрямой формой выражения агрессии в виде скрытого поведения, направленного на разрушение социального статуса жертвы. Согласно имеющимся данным, люди с шизоидным

расстройством личности, напротив, отличаются относительно низким уровнем агрессивности.

При разработке эффективных мер профилактики агрессивного поведения в молодежной среде многими авторами отмечается важность комплексного подхода. Внимание акцентируется на вопросах коррекции психического и физического здоровья, помощи в выстраивании внутрисемейных отношений и коммуникации детей и подростков друг с другом и педагогами в учебных заведениях. Согласно мнению экспертов, уровень агрессивности в молодежной среде позволят снизить такие меры, как информационно-просветительская работа с целью формирования стойкого негативного отношения к агрессивному поведению, ограничение доступа к агрессивному контенту в СМИ и социальных сетях, а также квалифицированная помощь специалистов в поиске конструктивных способов разрядки напряжения, перенаправления его в созидательное русло.

В настоящее время ввиду повышения частоты крайних случаев проявления агрессии в учебных заведениях страны, приводящих к трагическим исходам, акцент внимания отечественных исследователей смещается в сторону более глубокого междисциплинарного анализа проблемы агрессии. Интеграция положительного опыта и накопленных знаний зарубежных коллег в современные реалии нашей страны позволит сделать значимый шаг вперед в вопросах контроля и профилактики деструктивных форм поведения молодежи.

По мнению авторов данного обзора, успех в деле предотвращения случаев проявления жестокости и насилия среди людей молодого возраста кроется в методичном мультидисциплинарном подходе к изучению проблемы с непосредственным участием не только научного сообщества, но также общественных организаций и правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Magalotti SR, Neudecker M, Zarea SG, McVoy MK. Understanding Chronic Aggression and Its Treatment in Children and Adolescents. *Curr Psychiatry Rep.* 2019;21(12):123. doi: [10.1007/s11920-019-1105-1](https://doi.org/10.1007/s11920-019-1105-1)
2. Jiménez TI, León J, Martín-Albo J, Lombas AS, Valdivia-Salas S, Estévez E. Transactional Links between Teacher-Adolescent Support, Relatedness, and Aggression at School: A Three-Wave Longitudinal Study. *Int J Environ Res Public Health.* 2021;18(2):436. doi: [10.3390/ijerph18020436](https://doi.org/10.3390/ijerph18020436)
3. Кулиев ЕК. Психологические особенности подростковой агрессии. *Science and Education.* 2022;3(4):1417–1422. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-podrostkovoy-agressii>
Kuliyev EK. Psikhologicheskiye osobennosti podrostkovoy agressii. *Science and Education.* 2022;3(4):1417–1422. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-podrostkovoy-agressii>

4. Новиков АА, Гримальская СА. Эффект Колумбайна в Российской Федерации. *Образование и право*. 2021;(11):271–275. doi: [10.24412/2076-1503-2021-11-271-275](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-11-271-275)
Novikov AA, Grimal'skaya SA. Effekt Kolumbayna v Rossiyskoy Federatsii. *Obrazovaniye i pravo*. 2021;(11):271–275. (In Russ.). doi: [10.24412/2076-1503-2021-11-271-275](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-11-271-275)
5. Никишин ВД. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика. *Lex russica*. 2021;74(11):62–76. doi: [10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076)
Nikishin VD. Kolumbayn (skulshuting): sushchnost', pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika. *Lex russica*. 2021;74(11):62–76. (In Russ.). doi: [10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076)
6. Fernández-Castillo N, Cormand B. Aggressive behavior in humans: Genes and pathways identified through association studies. *Am J Med Genet B Neuropsychiatr Genet*. 2016;171(5):676–696. doi: [10.1002/ajmg.b.32419](https://doi.org/10.1002/ajmg.b.32419)
7. Godar SC, Fite PJ, McFarlin KM, Bortolato M. The role of monoamine oxidase A in aggression: Current translational developments and future challenges. *Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry*. 2016;69:90–100. doi: [10.1016/j.pnpbp.2016.01.001](https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2016.01.001)
8. Buss AH. The psychology of aggression. N.Y.: Wiley, 1961:307 p.
9. Berkowitz L. The concept of aggression. In: P.F. Brain & D. Benton (eds.), *Multidisciplinary approaches to aggression research*. Amsterdam: Elsevier/North Holland Biomedical Press, 1981:549 p.
10. Feshbach S. Aggression. In: P.H. Mussen (ed.), *Carmichael's manual of child psychology*. N. Y.: Wiley, 1970:2391 p.
11. Zillmann D. Hostility and aggression. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1979:272 p.
12. Ениколопов СН. Психологические проблемы агрессивного поведения. В кн.: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава: состояние, проблемы и пути решения». 2018:86–94.
Yenikolopov SN. Psikhologicheskiye problemy agressivnogo povedeniya. V kn.: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Psikhologicheskaya rabota v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava: sostoyaniye, problemy i puti resheniya". 2018:86–94. (In Russ.).
13. Можгинский ЮБ. Агрессивность детей и подростков: распознавание, лечение, профилактика. М.: Когито-Центр, 2008:181 с.
Mozhginskiy YuB. Agressivnost' detey i podrostkov: raspoznavaniye, lecheniye, profilaktika. M.: Kogito-Tsentr, 2008:181 p. (In Russ.).
14. Собчик ЛН. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. Методическое руководство. Серия «Методы психодиагностики». Вып. 1. М., 1990.
Sobchik LN. Standartizirovanny mnogofaktorny metod issledovaniya lichnosti. Metodicheskoe rukovodstvo. Seriya "Metody psikhodiagnostiki". Vyp. 1. M., 1990. (In Russ.).
15. Buss AH, Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. *J Consult Psychol*. 1957;21(4):343–349. doi: [10.1037/h0046900](https://doi.org/10.1037/h0046900)
16. Zimonyi S, Kasos K, Halmai Z, Csirmaz L, Stadler H, Rózsa S, Szekely A, Kotyuk E. Hungarian validation of the Buss-Perry Aggression Questionnaire — Is the short form more adequate? *Brain Behav*. 2021;11(5):e02043. doi: [10.1002/brb3.2043](https://doi.org/10.1002/brb3.2043)
17. Liu TL, Hsiao RC, Chou WJ, Yen CF. Self-Reported Depressive Symptoms and Suicidality in Adolescents with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder: Roles of Bullying Involvement, Frustration Intolerance, and Hostility. *Int J Environ Res Public Health*. 2021;18(15):7829. doi: [10.3390/ijerph18157829](https://doi.org/10.3390/ijerph18157829)
18. Lee HR, Nam G, Hur JW. Development and validation of the Korean version of the Reading the Mind in the Eyes Test. *PLoS One*. 2020;15(8):e0238309. doi: [10.1371/journal.pone.0238309](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0238309)
19. di Giacomo E, Stefana A, Candini V, Bianconi G, Canal L, Clerici M, Conte G, Ferla MT, Iozzino L, Sbravati G, Tura G, Micciolo R, de Girolamo G; VIORMED-2 Group. Prescribing Patterns of Psychotropic Drugs and Risk of Violent Behavior: A Prospective, Multi-center Study in Italy. *Int J Neuropsychopharmacol*. 2020;23(5):300–310. doi: [10.1093/ijnp/pyaa005](https://doi.org/10.1093/ijnp/pyaa005)
20. Santisteban C, Alvarado JM, Recio P. Evaluation of a Spanish version of the Buss and Perry aggression questionnaire: Some personal and situational factors related to the aggression scores of young subjects. *Personality and Individual Differences*. 2007;42(8):1453–1465. doi: [10.1016/j.paid.2006.10.019](https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.10.019)
21. Valdivia-Peralta M, Fonseca-Pedrero E, González-Bravo L, Lemos-Giráldez S. Psychometric properties of the AQ Aggression Scale in Chilean students. *Psicothema*. 2014; 26(1):39–46. doi: [10.7334/psicothema2013.84](https://doi.org/10.7334/psicothema2013.84)
22. Ениколопов СН, Цибульский НП. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*. 2007;28(1):115–124. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9431934>
Enikolopov SN, Tsibul'kiy NP. Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoy versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2007;28(1):115–124. (In Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=9431934>
23. Лобаскова ММ, Адамович ТВ, Исмагуллина ВИ, Марашкина ЮА, Малых СБ. Психометрический анализ опросника агрессивности Басса–Перри. *Теоретическая и экспериментальная психология*.

- 2021;14(4):28–38. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihometricheskiy-analiz-oprosnika-agressivnosti-bassa-perri>
Lobaskova MM, Adamovich TV, Ismatullina VI, Marashkina YuA, Malykh SB. Psihometricheskiy analiz oprosnika agressivnosti Bassa–Perri. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*. 2021;14(4):28–38. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihometricheskiy-analiz-oprosnika-agressivnosti-bassa-perri>
24. Ениколопов СН, Цибульский НП. Изучение взаимосвязи легитимизации насилия и склонности к агрессивным формам поведения. *Психологическая наука и образование*. 2008;13(1):90–98. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11750598>
Yenikolopov SN, Tsibul'skiy NP. Izucheniye vzaimosvyazi legitimizatsii nasiliya i sklonnosti k agressivnym formam povedeniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye*. 2008;13(1):90–98. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11750598>
 25. Кузнецова СО, Абрамова АА, Ениколопов СН, Ефремов АГ. Описание апробации психометрической шкалы оценки косвенной агрессии. *Академический журнал Западной Сибири*. 2013;9(3(46)):56–57. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19126809>
Kuznetsova SO, Abramova AA, Yenikolopov SN, Yefremov AG. Opisanie aprobatsii psikhometricheskoy shkaly otsenki kosvennoy agressii. *Akademicheskii zhurnal Zapadnoy Sibiri*. 2013;9(3(46)):56–57. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19126809>
 26. Weierstall R, Elbert T. The Appetitive Aggression Scale-development of an instrument for the assessment of human's attraction to violence. *Eur J Psychotraumatol*. 2011;2. doi: [10.3402/ejpt.v2i0.8430](https://doi.org/10.3402/ejpt.v2i0.8430)
 27. McDermott BE, Holoyda BJ. Assessment of aggression in inpatient settings. *CNS Spectr*. 2014;19(5):425–431. doi: [10.1017/S1092852914000224](https://doi.org/10.1017/S1092852914000224)
 28. Berlin J, Tärnhäll A, Hofvander B, Wallinius M. Self-report versus clinician-ratings in the assessment of aggression in violent offenders. *Crim Behav Ment Health*. 2021;31(3):198–210. doi: [10.1002/cbm.2201](https://doi.org/10.1002/cbm.2201)
 29. Курбатова ТН, Муляр ОИ. Проективная методика исследования личности «Hand-тест»: методическое руководство. СПб.: Иматон, 2005:60 с.
Kurbatova TN, Mulyar OI. Proyektivnaya metodika issledovaniya lichnosti "Hand-test": metodicheskoye rukovodstvo. SPb.: Imaton, 2005:60 p. (In Russ.).
 30. Тарабрина НВ. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: методические рекомендации. Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1984:24 с.
Tarabrina NV. Eksperimental'no-psikhologicheskaya metodika izucheniya frustratsionnykh reaktsiy: metodicheskkiye rekomendatsii. L.: Leningradskiy nauchno-issledovatel'skiy psikhonevrologicheskii institut im. V.M. Bekhtereva, 1984:24 p. (In Russ.).
 31. Гунашева МА. Исследование диагностических возможностей проективной методики «Тест руки». *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. 2018;12(4):9–12. doi: [10.31161/1995-0659-2018-12-4-9-12](https://doi.org/10.31161/1995-0659-2018-12-4-9-12)
Gunasheva MA. Issledovaniye diagnosticheskikh vozmozhnostey proyektivnoy metodiki "Test ruki". *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskiye nauki*. 2018;12(4):9–12. (In Russ.). doi: [10.31161/1995-0659-2018-12-4-9-12](https://doi.org/10.31161/1995-0659-2018-12-4-9-12)
 32. Яньшин ПВ, Стицюк ЭН. Проблемы имплицитной диагностики агрессивности. *Инновации в науке*. 2016;5–2(54):75–83. <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-implitsitnoy-diagnostiki-agressivnosti>
Yan'shin PV, Stitsyuk EN. Problemy implitsitnoy diagnostiki agressivnosti. *Innovatsii v nauke*. 2016;5–2(54):75–83. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-implitsitnoy-diagnostiki-agressivnosti>
 33. Bertilson HS. Methodology in the study of aggression. In R.G. Geen & E.I. Donnerstein (eds.). *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. 1983;(1):213–245.
 34. Bandura A, Ross D, Ross SA. Imitation of film-mediated aggressive models. *J Abnorm Soc Psychol*. 1963;66:3–11. doi: [10.1037/h0048687](https://doi.org/10.1037/h0048687)
 35. Grusec JE. Demand characteristics of the modeling experiment: Altruism as a function of age and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1972;22(2):139–148. doi: [10.1037/h0032700](https://doi.org/10.1037/h0032700)
 36. Fanti KA. Understanding heterogeneity in conduct disorder: A review of psychophysiological studies. *Neurosci Biobehav Rev*. 2018;91:4–20. doi: [10.1016/j.neubiorev.2016.09.022](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.09.022)
 37. Björkqvist, K. Gender differences in aggression. *Curr Opin Psychol*. 2018;19:39–42. doi: [10.1016/j.copsyc.2017.03.030](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.03.030)
 38. Thomson ND, Bozgunov K, Psederska E, Vassileva J. Sex differences on the four-facet model of psychopathy predict physical, verbal, and indirect aggression. *Aggress Behav*. 2019;45(3):265–274. doi: [10.1002/ab.21816](https://doi.org/10.1002/ab.21816)
 39. Thomson ND, Towl GJ, Centifanti L. The habitual female offender inside: How psychopathic traits predict chronic prison violence. *Law Hum Behav*. 2016;40(3):257–269. doi: [10.1037/lhb0000178](https://doi.org/10.1037/lhb0000178)
 40. Рогова ЕЕ. Особенности проявления агрессии у подростков с разным уровнем самооценки. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2020;12(190):360–363. doi: [10.34835/issn.2308-1961.2020.12.p360-363](https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.12.p360-363)
Rogova EK. Osobennosti proyavleniya agres-sii u podrostkov s raznym urovnem samootsenki. *Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2020;12(190):360–363. (In Russ.). doi: [10.34835/issn.2308-1961.2020.12.p360-363](https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.12.p360-363)

41. Canning A, Andrew E, Murphy R, Walker JS, Snowden RJ. Gender differences in the relationship between self-esteem and aggression in young people leaving care. *Violence Gend.* 2017;4(2):49–54. doi: [10.1089/vio.2017.0002](https://doi.org/10.1089/vio.2017.0002)
42. Барышева НА, Ожигова ЛН. Взаимосвязь удовлетворенности телом с агрессией и чувством вины у девушек. *Общество: социология, психология, педагогика.* 2021;4(84):69–77. <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-udovletvorennosti-telom-s-agressiyey-i-chuvstvom-viny-u-devushek> Barysheva NA, Ozhigova LN. Vzaimosvyaz' udovletvorennosti telom s agressiyey i chuvstvom viny u devushek. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika.* 2021;4(84):69–77. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-udovletvorennosti-telom-s-agressiyey-i-chuvstvom-viny-u-devushek>
43. Joiner TE. Why people die by suicide. Cambridge, MA: Harvard Press, 2005.
44. Hartley CM, Pettit JW, Castellanos D. Reactive Aggression and Suicide-Related Behaviors in Children and Adolescents: A Review and Preliminary Meta-Analysis. *Suicide Life Threat Behav.* 2018;48(1):38–51. doi: [10.1111/sltb.12325](https://doi.org/10.1111/sltb.12325)
45. McCloskey MS, Ammerman BA. Suicidal behavior and aggression-related disorders. *Curr Opin Psychol.* 2018;22:54–58. doi: [10.1016/j.copsyc.2017.08.010](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.08.010)
46. Foshee VA, McNaughton Reyes HL, Chen MS, Ennett ST, Basile KC, DeGue S, Vivolo-Kantor AM, Moracco KE, Bowling JM. Shared Risk Factors for the Perpetration of Physical Dating Violence, Bullying, and Sexual Harassment Among Adolescents Exposed to Domestic Violence. *J Youth Adolesc.* 2016;45(4):672–686. doi: [10.1007/s10964-015-0404-z](https://doi.org/10.1007/s10964-015-0404-z)
47. Cunha OS, Goncalves RA. Severe and Less Severe Intimate Partner Violence: From Characterization to Prediction. *Violence Vict.* 2016;31(2):235–250. doi: [10.1891/0886-6708.VV-D-14-00033](https://doi.org/10.1891/0886-6708.VV-D-14-00033)
48. Lehtonen TK, Svensson PA, Wong BB. The influence of recent social experience and physical environment on courtship and male aggression. *BMC Evol Biol.* 2016;16:18. doi: [10.1186/s12862-016-0584-5](https://doi.org/10.1186/s12862-016-0584-5)
49. Lanza M. Patient Aggression in Real Time on Geriatric Inpatient Units. *Issues Ment Health Nurs.* 2016;37(1):53–58. doi: [10.3109/01612840.2015.1086910](https://doi.org/10.3109/01612840.2015.1086910)
50. Renwick L, Stewart D, Richardson M, Lavelle M, James K, Hardy C, Price O, Bowers L. Aggression on inpatient units: Clinical characteristics and consequences. *Int J Ment Health Nurs.* 2016;25(4):308–318. doi: [10.1111/inm.12191](https://doi.org/10.1111/inm.12191)
51. Heynen E, van der Helm P, Cima M, Stams GJ, Kobrebits A. The Relation Between Living Group Climate, Aggression, and Callous-Unemotional Traits in Delinquent Boys in Detention. *Int J Offender Ther Comp Criminol.* 2017;61(15):1701–1718. doi: [10.1177/0306624X16630543](https://doi.org/10.1177/0306624X16630543)
52. Maniglio R. Bullying and Other Forms of Peer Victimization in Adolescence and Alcohol Use. *Trauma Violence Abuse.* 2017;18(4):457–473. doi: [10.1177/1524838016631127](https://doi.org/10.1177/1524838016631127)
53. Mudrak G, Kumar Semwal S. Modeling Aggression and Bullying: A Complex Systems Approach. *Stud Health Technol Inform.* 2015;219:187–191. PMID: 26799905.
54. Гусейнова ЕА, Ениколопов СН. Влияние позиции жертвы буллинга на агрессивное поведение. *Психологическая наука и образование psyedu.ru.* 2014;6(2):246–256. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Guseynova_Enikolopov.phtml Guseynova YeA, Yenikolopov SN. Vliyaniye pozitsii zhertry bullinga na agressivnoye povedeniye. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye psyedu.ru.* 2014;6(2):246–256. (In Russ.). URL: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Guseynova_Enikolopov.phtml
55. Llorca A, Richaud MC, Malonda E. Parenting styles, prosocial, and aggressive behavior: The role of emotions in offender and non-offender adolescents. *Front Psychol.* 2017;8:1246. doi: [10.3389/fpsyg.2017.01246](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01246)
56. Реан АА, Коновалов ИА. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. *Национальный психологический журнал.* 2019;1(33):23–33. <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-agressivnosti-podrostkov-v-zavisimosti-ot-pola-i-sotsialno-ekonomicheskogo-statusa-semi> Rean AA, Konovalov IA. Proyavleniye agressivnosti podrostkov v zavisimosti ot pola i sotsial'no-ekonomicheskogo statusa sem'i. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal.* 2019;1(33):23–33. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-agressivnosti-podrostkov-v-zavisimosti-ot-pola-i-sotsialno-ekonomicheskogo-statusa-semi>
57. Налчаджян АА. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007:734 с. Nalchadzhyan AA. Agressivnost' cheloveka. SPb.: Piter, 2007:734 p. (In Russ.).
58. Бреслав ГЭ. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности. СПб.: Речь, 2004:144 с. Breslav GE. Psikhologicheskaya korrektsiya detskoy i podrostkovoy agressivnosti. SPb.: Rech', 2004:144 p. (In Russ.).
59. Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973:390 p.
60. Anderson CA, Shibuya A, Ihori N, Swing EL, Bushman BJ, Sakamoto A, Rothstein HR, Saleem M. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review. *Psychol Bull.* 2010;136(2):151–173. doi: [10.1037/a0018251](https://doi.org/10.1037/a0018251)
61. Григорян ВГ, Степанян ЛС, Степанян АЮ, Арагбян АР. Влияние компьютерных игр агрессивного содержания на уровень активности коры головного мозга подростков. *Физиология человека.*

- 2007;33(1):41–45. <https://naukarus.com/bliyanie-kompyuternyh-igr-agressivnogo-soderzhaniya-na-uroven-aktivnosti-kory-golovnog-mozga-podrostkov>
- Grigoryan VG, Stepanyan LS, Stepanyan AYU, Agabyan AR. Vliyaniye komp'yuternykh igr agressivnogo soderzhaniya na uroven' aktivnosti kory golovnog mozga podrostkov. *Fiziologiya cheloveka*. 2007;33(1):41–45. (In Russ.). <https://naukarus.com/bliyanie-kompyuternyh-igr-agressivnogo-soderzhaniya-na-uroven-aktivnosti-kory-golovnog-mozga-podrostkov>
62. Сафин ФЮ, Баженов АВ. Деструктивное влияние игрового компьютерного контента на криминализацию несовершеннолетних. *Всероссийский криминологический журнал*. 2022;16(1):39–46. doi: [10.17150/2500-4255.2022.16\(1\).39-46](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(1).39-46)
 - Safin FYu, Bazhenov AV. Destruktivnoye vliyaniye igrovogo komp'yuternogo kontenta na kriminalizatsiyu nesovershennoletnikh. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 2022;16(1):39–46. (In Russ.). doi: [10.17150/2500-4255.2022.16\(1\).39-46](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(1).39-46)
 63. Панков МН, Кожевникова ИС, Сидорова ЕЮ, Грибанов АВ, Старцева ЛФ. Психофизиологические характеристики детей с агрессивным поведением. *Экология человека*. 2018;(2):37–44. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-harakteristiki-detey-s-agressivnym-povedeniem>
 - Pankov MN, Kozhevnikova IS, Sidorova EYu, Griбанov AV, Startseva LF. Psikhofiziologicheskiye kharakteristiki detey s agressivnym povedeniyem. *Ekologiya cheloveka*. 2018;(2):37–44. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-harakteristiki-detey-s-agressivnym-povedeniem>
 64. Султанова ЖА. Научно-теоретический обзор влияния СМИ (на примере интернета) на агрессивное поведение подростков. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2019;4(170):429–432. <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-teoreticheskiy-obzor-vliyaniya-smi-na-primere-interneta-na-agressivnoe-povedenie-podrostkov>
 - Sultanova ZhA. Nauchno-teoreticheskiy obzor vliyaniya SMI (na primere interneta) na agressivnoye povedeniye podrostkov. *Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2019;4(170):429–432. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-teoreticheskiy-obzor-vliyaniya-smi-na-primere-interneta-na-agressivnoe-povedenie-podrostkov>
 65. Бессчетнова ОВ, Волкова ОА, Алиев ШИ, Ананченко ПИ, Дробышева ЛН. Влияние цифровых медиа на психическое здоровье детей и молодежи. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021;29(3):462–467. doi: [10.32687/0869-866X-2020-29-3-462-467](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-29-3-462-467)
 - Besschetnova OV, Volkova OA, Aliyev SHI, Ananchenkova PI, Drobysheva LN. Vliyaniye tsifrovyykh media na psikhicheskoye zdorov'ye detey i molodezhi. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2021;29(3):462–467. (In Russ.). doi: [10.32687/0869-866X-2020-29-3-462-467](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-29-3-462-467)
 66. Alniak İ, Erkıran M, Mutlu E. Substance use is a risk factor for violent behavior in male patients with bipolar disorder. *J Affect Disord*. 2016;193:89–93. doi: [10.1016/j.jad.2015.12.059](https://doi.org/10.1016/j.jad.2015.12.059)
 67. Saylor KE, Amann BH. Impulsive Aggression as a Comorbidity of Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder in Children and Adolescents. *J Child Adolesc Psychopharmacol*. 2016;26(1):19–25. doi: [10.1089/cap.2015.0126](https://doi.org/10.1089/cap.2015.0126)
 68. Coccaro EF, Lee R, McCloskey MS. Relationship between psychopathy, aggression, anger, impulsivity, and intermittent explosive disorder. *Aggress Behav*. 2014;40(6):526–536. doi: [10.1002/ab.21536](https://doi.org/10.1002/ab.21536)
 69. Chung VYS, McGuire J, Langdon R. The Relationship Between Schizotypy and Reactive Aggression in Western Adults Is Mediated by Victimization. *J Nerv Ment Dis*. 2016;204:630–635. doi: [10.1097/NMD.0000000000000455](https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000455)
 70. Daffern M, Howells K, Ogloff J, Lee J. Individual characteristics predisposing patients to aggression in a forensic psychiatric hospital. *J Forens Psychiatry Psychol*. 2005;16(4):729–746. doi: [10.1080/14789940500345595](https://doi.org/10.1080/14789940500345595)
 71. Premkumar P, Kuipers E, Kumari V. The path from schizotypy to depression and aggression and the role of family stress. *Eur Psychiatry*. 2020;63(1):e79. doi: [10.1192/j.eurpsy.2020.76](https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2020.76)
 72. Bo S, Abu-Akel A, Kongerslev M, Haahr UH, Bateman A. Mentalizing mediates the relationship between psychopathy and type of aggression in schizophrenia. *J Nerv Ment Dis*. 2014;202(1):55–63. doi: [10.1097/NMD.0000000000000067](https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000067)
 73. Bo S, Abu-Akel A, Kongerslev M, Haahr UH, Simonson E. Risk factors for violence among patients with schizophrenia. *Clin Psychol Rev*. 2011;31(5):711–726. doi: [10.1016/j.cpr.2011.03.002](https://doi.org/10.1016/j.cpr.2011.03.002)
 74. Dutton DG, Karakanta C. Depression as a risk marker for aggression: A critical review. *Aggress Violent Behav*. 2013;18(2):310–319. doi: [10.1016/j.avb.2012.12.002](https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.12.002)
 75. Абрамова АА, Андрющенко АВ, Дворянчиков НВ, Ениколопов СН, Изнак АФ, Чаянов НВ. Психологические параметры агрессивности в норме и при депрессивных состояниях различного генеза. *Психиатрия*. 2003;6(6):15–21. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20266184>
 - Abramova AA, Andryushchenko AV, Dvoryanchikov NV, Yenikolopov SN, Iznak AF, Chayanov NV. Psikhologicheskiye parametry agressivnosti v norme i pri depressivnykh sostoyaniyakh razlichnogo geneza. *Psichiatria (Moscow) (Psikhiatriya)*. 2003;6(6):15–21. (In Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=20266184>
 76. Llorca A, Malonda E, Samper P. The role of emotions in depression and aggression. *Med Oral Patol Oral Cir Bucal*. 2016;21(5):e559–564. doi: [10.4317/medoral.21561](https://doi.org/10.4317/medoral.21561)

77. Taft CT, Kaloupek DG, Schumm JA, Marshall AD, Panuzio J, King DW, Keane TM. Posttraumatic stress disorder symptoms, physiological reactivity, alcohol problems, and aggression among military veterans. *J Abnorm Psychol.* 2007;116(3):498–507. doi: [10.1037/0021-843X.116.3.498](https://doi.org/10.1037/0021-843X.116.3.498)
78. Taft CT, Pless AP, Stalans U, Koenen KC, King LA, King DW. Risk factors for partner violence among a national sample of combat veterans. *J Consult Clin Psychol.* 2005;73(1):151–159. doi: [10.1037/0022-006X.73.1.151](https://doi.org/10.1037/0022-006X.73.1.151)
79. Самойлюк ЛА, Логунова КГ, Юшкова АЭ. Особенности проявления агрессии у подростков с легкой умственной отсталостью. *Педагогический ИМИДЖ.* 2021;15(2(51)):247–259. doi: [10.32343/2409-5052-2021-15-2-247-258](https://doi.org/10.32343/2409-5052-2021-15-2-247-258)
Samoylyuk LA, Logunova KG, Yushkova AE. Osobennosti proyavleniya agressii u podrostkov s legkoy umstvennoy otstalost'yu. *Pedagogicheskiy IMIDZH.* 2021;15(2(51)):247–259. (In Russ.). doi: [10.32343/2409-5052-2021-15-2-247-258](https://doi.org/10.32343/2409-5052-2021-15-2-247-258)
80. de Campos AC, Rocha NACF, Savelsbergh GJP. Development of reaching and grasping skills in infants with Down syndrome. *Res Dev Disabil.* 2010;31(1):70–80. doi: [10.1016/j.ridd.2009.07.015](https://doi.org/10.1016/j.ridd.2009.07.015).
81. Muris P, Meesters C, Timmermans A. Some youths have a gloomy side: correlates of the dark triad personality traits in non-clinical adolescents. *Child Psychiatry Hum Dev.* 2013;44(5):658–665. doi: [10.1007/s10578-013-0359-9](https://doi.org/10.1007/s10578-013-0359-9)
82. Kiehl KA, Hoffman MB. The criminal psychopath: History, neuroscience, treatment, and economics. *Jurimetrics.* 2011;51:355–397. PMID: 24944437; PMCID: PMC4059069.
83. Thomson ND, Vassileva J, Kiehl KA, Reidy DE, Aboutanos MB, McDougale R, Delisi M. Which features of psychopathy and impulsivity matter most for prison violence? New evidence among female prisoners. *Int J Law Psychiatry.* 2019;64:26–33. doi: [10.1016/j.ijlp.2019.01.001](https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2019.01.001)
84. Fox B, Delisi M. Psychopathic killers: A meta-analytic review of the psychopathy-homicide nexus. *Aggress Violent Behav.* 2019;44:67–79. doi: [10.1016/J.AVB.2018.11.005](https://doi.org/10.1016/J.AVB.2018.11.005)
85. Thomson ND, Kevorkian S, Galusha C, Wheeler EMA, Ingram L. Anxiety Mediates the Link Between Psychopathy and Aggression in NGRI Acquittes. *Int J Offender Ther Comp Criminol.* 2021;65(8):955–972. doi: [10.1177/0306624X21994067](https://doi.org/10.1177/0306624X21994067)
86. Garofalo C, Neumann CS, Velotti P. Psychopathy and Aggression: The Role of Emotion Dysregulation. *J Interpers Violence.* 2021;36(23–24):NP12640–NP12664. doi: [10.1177/0886260519900946](https://doi.org/10.1177/0886260519900946)
87. Knight NM, Dahlen ER, Yowell EB, Madson MB. The HEXACO model of personality and dark triad in relational aggression. *Pers Individ Dif.* 2018;122:109–114. doi: [10.1016/j.paid.2017.10.016](https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.10.016)
88. Мешкова НВ, Ениколопов СН, Кравцов ОГ. Психологический профиль макиавеллистов в рамках исследования симптомокомплекса жертв манипулятивного поведения. *Сибирский психологический журнал.* 2020;(78):6–20. doi: [10.17223/17267080/78/1](https://doi.org/10.17223/17267080/78/1)
Meshkova NV, Yenikolopov SN, Kravtsov OG. Psikhologicheskii profil' makiavellistov v ramkakh issledovaniya simptomokompleksa zhertv manipulyativnogo povedeniya. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal.* 2020;(78):6–20. (In Russ.). doi: [10.17223/17267080/78/1](https://doi.org/10.17223/17267080/78/1)
89. Du TV, Miller JD, Lynam DR. The relation between narcissism and aggression: A meta-analysis. *J Pers.* 2022;90(4):574–594. doi: [10.1111/jopy.12684](https://doi.org/10.1111/jopy.12684) Epub ahead of print. PMID: 34689345.
90. Amad S, Gray NS, Snowden RJ. Self-Esteem, Narcissism, and Aggression: Different Types of Self-Esteem Predict Different Types of Aggression. *J Interpers Violence.* 2021;36(23–24):NP13296–NP13313. doi: [10.1177/0886260520905540](https://doi.org/10.1177/0886260520905540)
91. Lambe S, Hamilton-Giachritsis C, Garner E, Walker J. The Role of Narcissism in Aggression and Violence: A Systematic Review. *Trauma Violence Abuse.* 2018;19(2):209–230. doi: [10.1177/1524838016650190](https://doi.org/10.1177/1524838016650190)
92. Barry CT, Lui JH, Anderson AC. Adolescent Narcissism, Aggression, and Prosocial Behavior: The Relevance of Socially Desirable Responding. *J Pers Assess.* 2017;99(1):46–55. doi: [10.1080/00223891.2016.1193812](https://doi.org/10.1080/00223891.2016.1193812)
93. Рагозинская ВГ. Сравнительный анализ показателей агрессивности при различных типах расстройств личности. *Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области.* 2018;1(20):19–21. <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pokazateley-agressivnosti-pri-razlichnykh-tipah-rasstroystv-lichnosti>
Ragozinskaya VG. Sravnitel'nyy analiz pokazateley agressivnosti pri razlichnykh tipakh rasstroystv lichnosti. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti.* 2018;1(20):19–21. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pokazateley-agressivnosti-pri-razlichnykh-tipah-rasstroystv-lichnosti>
94. Gnevek OV, Saigushev NYa, Savva LI. Reflexive management of the professional formation of would-be teachers. *Int J Environ Sci Educ.* 2016;11(18):13033–13041. http://www.ijese.net/makale_indir/IJESE_1778_article_587793ad9d28f.pdf
95. Савва ЛИ, Сайгушев НЯ, Веденеева ОА. Педагогика в системно-образном изложении: учеб. пособие. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорский Дом печати, 2015:129 с.
Savva LI, Saygushev NYA, Vedeneyeva OA. Pedagogika v sistemno-obraznom izlozhenii: ucheb. posobiye. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorskiy Dom pechati, 2015:129 p. (In Russ.).
96. Савва ЛИ, Пшеничная ОВ, Колесникова АК. Методика психолого-педагогической коррекции подростковой агрессии. *Мир науки. Педагогика*

и психология. 2020;8(1):38. <https://mir-nauki.com/PDF/24PDMN120.pdf>

Savva LI, Pshenichnaya OV, Kolesnikova AK. Metodi-ka psikhologo-pedagogicheskoy korrektsii podrostkovoy agressii. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 2020;8(1):38. (In Russ.). <https://mir-nauki.com/PDF/24PDMN120.pdf>

97. Гуляев ЮЮ, Паршина ММ. Обзор мер по профилактике и устранению агрессии среди несовершеннолетних в Финляндии. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*.

2019;(4):96–106. <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-mer-po-profilaktike-i-ustraneniya-agressii-sredi-nesovershennoletnih-v-finlyandii>
Gulyayev YuYu, Parshina MM. Obzor mer po profilaktike i ustraneniya agressii sredi nesovershennoletnikh v Finlyandii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye*. 2019;(4):96–106. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-mer-po-profilaktike-i-ustraneniya-agressii-sredi-nesovershennoletnih-v-finlyandii>
обращения: 03.07.2022).

Сведения об авторах

Лала Наримановна Касимова, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой, кафедра психиатрии, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2701-6742>
kasimovaln@inbox.ru

Марина Викторовна Святотор, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра психиатрии, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3180-6771>
svyatogor_marina@mail.ru

Евгений Михайлович Сычугов, ассистент, кафедра психиатрии, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6204-5445>
sychugovem@gmail.com

Олег Семенович Зайцев, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель группы психиатрических исследований, ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент, кафедра психиатрии, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0767-879X>
Ozaitsev@nsi.ru

Information about the authors

Lala N. Kasimova, Dr. of Sci. (Med.), Professor, Head of Psychiatry Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Privolzhsky Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2701-6742>
kasimovaln@inbox.ru

Marina V. Svyatogor, Cand. of Sci. (Med.), Associate Professor, Psychiatry Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Privolzhsky Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3180-6771>
svyatogor_marina@mail.ru

Evgeniy M. Sychugov, Assistant, Psychiatry Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Privolzhsky Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6204-5445>
sychugovem@gmail.com

Oleg S. Zaitsev, Dr. of Sci. (Med.), Professor, Chief Researcher, Chief of Psychiatric Research Group, Federal State Autonomous Institution N.N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor, Psychiatry Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Privolzhsky Research Medical University", the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0767-879X>
Ozaitsev@nsi.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.
There is no conflict of interests.

Дата поступления 20.07.2022
Received 20.07.2022

Дата рецензии 03.02.2023
Revised 03.02.2023

Дата принятия 15.02.2023
Accepted for publication 15.02.2023